

Рейснер Михаил Андреевич

**Судебный процесс Карла
Либкнехта против русского
царя**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Андреевич Р.**
Судебный процесс Карла Либкнехта против русского царя / Рейснер Михаил
Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 102 с.

ISBN 978-5-519-80517-9

ISBN 978-5-519-80517-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Судебный процесс Карла Либкнехта против русского царя..

I.

Великий поход против „нигилизма“ и „анархии“.

Это было в 1904 году, ровно двадцать лет тому назад. В предрассветное время, когда только назревала русская революция. На манджурских полях японская армия наносила первые удары русскому самодержавию, и с востока потянуло холодной дрожью назревающих событий. Все казалось еще таким твердым и незыблемым. Громада трехсотлетнего царизма показывала только на окраине чуть заметные трещины, но за то в подземной глубине началось бурное и уже не прекращающееся движение.

У русской революции всегда было два плацдарма: один русский, другой заграничный. Первый—революционного подполья, над которым шла беспощадная борьба всех сил империи со словом и железом переворота, другой—зарубежного боевого тыла, где готовились средства и силы, сосредоточивались бойцы, вырабатывались планы, организовывались выступления и откуда потоками лавы шли через границу воззвания, листовки, книги,

журналы—одним словом удивительная нелегальная литература, которая, не взирая на все рогатки и решетки цензуры обжигала истомленные корни русского самодержавия.

Совершенно очевидно, что для царского штаба внутренней войны оба плацдарма имели громадную, едва ли не одинаковую важность. В пределах жандармской России, конечно, войну эту можно было вести без каких либо стеснений. Российский подданный веками был приучен к возмутительным опытам и мучениям, так что открывался полный простор для самых бесстыдных, грязных и жестоких фокусов великолепно организованного и роскошно сплоченного полицейского аппарата. За границей дело обстояло несколько сложнее.

И не потому, конечно, что рядом с империей Гольштейн-Готторпов, принявших русскую кличку Романовых, начинались вотчины Гогенцоллернов, Виттельсбахов, Габсбургов или Веттинов. Но просто потому, что на западе с точки зрения венчаных господ произошло несколько преждевременных передвижений и перестановок. Под давлением „бюргерской дури“ и „торгашеского либерализма“ там пришлось ввести так называемые конституционные порядки, а с ними принять и целые груды неприятных для каждого доброго монарха вещей. К ним принадлежит не только необходимость считаться с капризами господ народных представителей, но и блюсти святой закон обывательского

лицемерия. А это было порою очень стеснительно.

Прежде было значительно лучше. По крайней мере в восточной Европе, где еще жива была „самоцветная“ мощь самодержавия, и в объятиях Священного Союза сплетались руки „благословенного“ Александра, истинно-прусского Фридриха и апостолически-австрийского Франца. Тогда и для жандармов никаких границ между этими державами, осененными именем Христа, не существовало, а благодать общего полицейского участка осеняли из одного центра и пруссаков и австрийцев и россиян. И не даром после карлсбадских постановлений вопияли прусские дворяне, в порыве благодарности своим благодетелям, по поводу прекращения „бесстыдной наглости так называемого народного представительства“ и „развращающих народ происков“ конституционализма. Из России заботились о Пруссии тогда достаточно хорошо. Николай I чувствовал себя принадлежащим в такой же мере Пруссии, как России.

. . . „Российский император был бы рад видеть и принять к сведению, что вступлением генерала Врангеля в Берлин в ноябре 1848 года были отрезаны корни у революции“ — писал прусский посол из Петербурга в Берлин. — „Сурово усмиряя восстание“ — самолично наставлял Николай своего неудачного собрата — „топи без пощады в крови совратителей народа, ибо снисхождение к ним есть преступление против народа“. Так учил коронован-

ный вешатель монарха соседней охранки и рекомендовал „послать без рассуждений по домам всякий неугодный парламент“. Только делом естественного содружества была поэтому присылка великолепного русского шпиона и провокатора, Штибера, на знаменитый Кельнский процесс коммунистов 1852 г.

Конституция даже буржуазно-дворянских фасонов необходимо прекратила старые формы полицейской дружбы. Особенно со времен создания новой германской империи между царской Россией и конституционной Германией легла некоторая межа. Немецкий буржуа в своем доме завел известные политические удобства и приличия. И хотя попрежнему настоящими господами в Германо-Пруссии остались об'единенные правительства со своим рыцарством, однако некоторые уступки либеральным свободам были сделаны. К ним были присоединены и некоторые необходимые для промышленного и финансового капитала, международные манеры.

Среди же принадлежностей так называемых культурных и правовых государств имеются, между прочим, и следующие. Во первых, каждое такое государство дорожит своим „суверенитетом“ и почитает чуть ли не оскорблением своего достоинства вмешательство иностранного правительства в свои внутренние дела. Во вторых, оно совершенно естественно ставит себя на положение чего то „высшего“ по сравнению со странами низшей культуры, кото-

рые еще не доросли до буржуазной говорильни и великих свобод капиталистического кошелька. В третьих, им присущ „правовой порядок“, при котором правительство может действовать лишь на основе строгой „законности“, признанной буржазией.

В виду этих условий борьба России и ее соседей против взаимных революций должна была протекать в несколько отличных от прежнего формах. И если Николай I умирал венгерское восстание без малейших стеснений со стороны своего вернопреданного народа, то помощь Пруссии при умирении польского восстания 1863 г. стоила Бисмарку нескольких неприятных минут в тогдашнем прусском ландтаге. И когда Бисмарк, исходя из мысли, что „европейская революция солидарна во всех странах“, пробовал оказать русской жандармерии интимные услуги, он должен был уже прибегнуть к обходным путям.

В этом отношении уже Бисмарком были приняты следующие шаги: прежде всего следовало какнибудь отделить русских революционеров от их в известной степени победивших на западе собратьев. И в самом деле. Революции на западе и даже в той же Германии привели хотя бы к установлению буржуазно-конституционных порядков. Нельзя же было из простого приличия карать и преследовать русских революционеров за то, что они стремились к устранению самодержавия и водворению в России того порядка, который был,

скажем, в той же самой Германии. Необходимо было следовательно, провести резкую грань между приличными, и так сказать, оправдавшими себя революционерами запада, которые, после своих скромных революций, чувствовали себя в обладании покоя, власти и капитала, и русскими „нигилистами“, этими исчадиями ада, пышащими огнем, поднимающими святотатственную руку на помазанников господа бога. Отсюда лозунг: борьба не с демократами и радикалами, а с „дикими разрушителями, убийцами и нигилистами,“ совершающими под предлогом политики обычные уголовные преступления.

Затем приходилось считаться и с международными приличиями. В доброе старое время дело обстояло очень просто. Без малейших стеснений можно было хватать кого угодно и как угодно, своего и чужого, высылать его, арестовывать, выдавать, казнить или миловать. С наступлением эры „культуры“ и „цивилизации“ такой распорядок оказался невозможным. Иностранца при помощи международных приличий возможно подвергнуть только двум манипуляциям: или выдаче по требованию чужестранного правительства, если иностранец уличался им в уголовном преступлении, или высылке из пределов страны пребывания, если он почему либо становился в тягость этой стране, но при этом с правом для высылаемого избрать страну, куда бы он желал переселиться. Таковы две формы удаления иностранца, если, конечно, он не совершал никаких

преступлений против законов страны пребывания и не подвергался там законному преследованию.

Процедура борьбы с революцией при помощи „правовых“ форм конституционного и „культурного“ государства теперь совершенно ясна. Русский революционер, оказавшийся на территории Германно-Пруссии, подвергался следующей обработке. Сначала его из революционера-народовольца, бундиста, социал-демократа и проч. перелицовывали в нигилиста или анархистического убийцу. Затем его или выдавали по требованию отечественных властей как обычного уголовного преступника или же в качестве „тягостного иностранца“ высылали из пределов страны, но с тем расчетом, чтобы, во первых, он отправился через ту границу, где его поджидают отечественные жандармы, а во-вторых, чтобы патриоты были заблагодарно уведомлены, а следовательно могли бы устроить высылаемому радужный прием. Эту практику и установил в Пруссии Бисмарк в то время, когда он стремился быть особенно приятным для „соседней великой империи“;

Такая практика получила скоро и достаточное международное выражение. Между царской Россией и конституционной Пруссией был заключен особый договор. Как сказано в объяснительной записке к нему: „переговоры, которые велись после смерти императора Александра II между различными правительствами с целью установить основы для взаимной защиты против анархистических

происков и преступлений, привели к соглашению только между Пруссией и Россией." Как известно, впоследствии к этому договору присоединилась и столь же либеральная Бавария. Согласно этому договору, упомянутые правительства в виду соседских отношений и дружбы царствующих домов, которая образует основу добрых отношений обеих стран, сочли своим долгом принять по крайней мере те меры защиты от дальнейших преступлений, которые можно провести без содействия прочих правительств. Целью подобного соглашения было удовлетворение „ближайшей потребности России“, причем именно третья статья договора должна была противодействовать тому заблуждению, что будто бы то обстоятельство, что преступление совершено с политической целью, может лишить его самого свойства преступности и сообщить ему неприкосновенность в области общего права.

Признавая далее „право убежища в случаях гражданских войн и насильственной борьбы партий, так как в этом случае сомнительны признаки преступления и не ясен вопрос виновности“, распространяя даже право убежища на случай „государственных переворотов“, объяснительная записка самым решительным образом отвергает его по отношению к тем „анархическим убийцам“, к которым, как известно, были отнесены и все деятели Народной Воли. Такая квалификация „анархических“ преступлений преследовала совершенно очевидную цель.

Предполагая, что до наступления „государственного переворота“ в России с „гражданской войной“ и „насильственной борьбой партий“ пройдет еще долгий период подготовительной революционной борьбы, где главную роль будет играть агитация и пропаганда, стачки, частичные восстания, даже отдельные террористические акты, русское правительство, путем заключения договора, стремилось поразить именно эти революционные действия предшествующие „насильственной борьбе“ или „перевороту“ и тем, с одной стороны, удовлетворить требованиям международного обычая, а с другой, пресечь наиболее опасную деятельность революционеров под видом „нигилистической“ или „анархистической“.

И мы видим, как действительно прусская практика становится на решительный путь борьбы с русской революцией под общим покровом преследования „нигилистического анархизма“. Для этой цели Бисмарк еще в 1866 году предлагал русскому двору создать в Берлине особую организацию шпионов и провокаторов, которые могли бы „произвести секретное разыскание и расследование... посредством особых доверенных от каждого правительства лиц... направляли бы все действия к достижению одной общей цели“ и, таким образом, раскрыли бы „злоумышленные намерения против нескольких царственных особ“. И действительно, такая организация произрасла под высоким покровом

вительством императора французов, короля прусского и русского царя под главенством уже упомянутого выше обер-негодяя Штирбера, высокоценного самим Бисмарком. Непосредственным наследием создания Штирбера была широкая сеть полицейской слежки и провокаторства, которую мы застаем уже в 1904 г. В ней работали прусские и русские агенты, причем последние с ведома и благословения королевских властей.

Тайное, но неослабное наблюдение за лицами, „заподозренными в русских нигилистических стремлениях“, осуществляли, как охотники за редкой и лакомой дичью все: и университетское начальство, и почтовое ведомство, и таможенные чиновники, и общая полиция, и тайная полиция, и всевозможные частные агенты и, наконец, дворники, квартирные хозяева и хозяйки. Подкуп, тайные обыски, воровство, шантаж, подлоги и подделки — все было хорошо, чтобы вынюхать нигилистическую дичь, забраться в ее переписку и чемоданы, выкрасть, а то и подбросить „нелегальную“ в России, но вполне легальную в Германии литературу, выследить связи и знакомства „анархиста“, а затем в качестве „тягостного иностранца“ преподнести его как лакомое блюдо на пограничной станции любезному ротмистру в голубом мундире. Даже особая цензура на предмет уловления нигилистических идей была создана в недрах королевско-прусских учреждений, которая с точки зрения российских сомодержавия, право-